

Тимур Аласаниа

НА РАСПУТЬЕ

Второе Издание

2025

Моей внучке Анне Софии и внукам – Александру Тиму, Майклу Дэвиду, Ачи Спенсеру и Перри Джулиану Аласаниа посвящаю, для развлекательного чтения.

Тимур Аласаниа

НА РАСПУТЬЕ

Второе Издание

Редактор

Темур Якобашвили. Государственный министр по вопросам реинтеграции (2008-2010). Бывший посол Грузии в США (2011-2013)

Дизайнер

Мари Верулашвили

Тимур Аласаниа © 2025

Грузинское издание © Издательства Университета Грузии, 2025

ООО «Издательства Университета Грузии»

Адрес: ул. М. Костава, 77а,

Тбилиси, 0171, Грузия

Тел.: +995 032 2 55 22 22

info@ug.edu.ge; ug@ug.edu.ge

Все права защищены. Никакая часть данной публикации не может быть воспроизведена в какой-либо форме без письменного разрешения издателя.

ISBN 978-9941-9898-4-1

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	7
Предисловие	30

Глава I

Революция, демократия и мораль	40
Революция – теория и практика	40
Революция и мораль	58

Глава II

Демократия и развитие	71
-----------------------	----

Глава III

Несколько соображений о выборах	99
---------------------------------	----

Глава IV

Новая форма – старое содержание	118
---------------------------------	-----

Глава V

Общественная дискуссия в США и Грузии:	168
общие черты и специфика	168

Глава VI

Соображения о некоторых современных тенденциях в политической теории	183
О либерализме и консерваторах	183

Военно-политические доктрины нового мирового порядка	189
Евросоюз-новый сверх регионализм	201

Глава VII

Баланс между «я» и «мы»	208
-------------------------	-----

Глава VIII

Интеллигенция: наука и искусство	218
----------------------------------	-----

Глава IX

Права и обязанности сквозь призму истории	243
--	-----

Глава X

Публичные лица	252
(штрихи к психологическому портрету)	252

Глава XI

Престиж и обязанности	266
-----------------------	-----

Глава XII

Личности и события	288
--------------------	-----

Глава XIII

Государство, религия, толерантность и доктрина политической корректности	302
---	-----

Глава XIV

Отрывки из экономического дневника	329
Анализ первый	329
Анализ второй: Глобализация	355
Выводы:	370
Анализ третий: Равенство как новый экономический фактор	374
Анализ четвертый: экономическое положение и перспективы Грузии	384
Вместо послесловия	397

Приложение

Практический пример 1	406
Значение военно-промышленного комплекса	406
Практический пример 2	413
Прибалтика – конверсия и рынок труда	413
БИБЛИОГРАФИЯ	418
ИНДЕКС	433

От автора

Самым судьбоносным и определяющим в жизни моего поколения оказался непредсказуемый характер будущего и полная неожиданность происшедших впоследствии исторических событий. И действительно, кому могло прийти в голову, что мы, войдя в вяло-текущую, безынтересную и бесцветную реку жизни, в которой все было заранее predetermined, порядок жизни раз и навсегда прописан, а границы успеха более-менее определены, выйдем на другой берег, где все окажется новым, неизведанным, безграничным и полным ожиданий.

История и тогдашний уклад в стране не указывали на те катаклизмы, которые фундаментально и бесповоротно изменили наши устремления, а главное, наши обоснованные претензии на лучшее будущее и новый порядок жизни. Наизнанку вывернулись наши представления о таких понятиях, как патриотизм, общественные интересы и личное счастье.

Ни мое детство, ни юность, проведенные в Тбилиси, не указывали на то, что на разных этапах жизни мне с довольно близкого расстояния придется наблюдать за процессом коренных перемен и за действием движущих этим процессом сил. Еще более удивительным было то, что зачастую мне самому приходилось принимать участие в этих процессах и тесно сотрудничать с агентами этих перемен.

Но это было много позже. А пока впереди были беззаботные годы учебы в Московском Государствен-

ном Институте Международных Отношении (МГИМО). «Беззаботные» в самом широком смысле этого слова.

Не знаю достоверно, что творилось в институтах и на университетских факультетах, изучающих точные науки, но в 60 -70-ые годы в кампусах высших учебных заведений СССР, специализирующихся в гуманитарных науках, прочно обосновался марксистский катехизис, глубоко пустили корни педантизм мышления и идеологическая ортодоксия.

К этому добавлялись строго предписанные обществом бытовые нормы, которые не только указывали молодежи «правильный и ожидаемый от советского студенчества образ мысли и действия», но и строго определяли допустимые границы дозволенной идеологической «фронды».

В этом отношении атмосфера МГИМО в корне отличалась от атмосферы остальных государственных ВУЗов. Это была своеобразная «агора» в непривычных советских условиях; свободный обмен мыслями и неортодоксальная логика сознательно культивировались и в некотором смысле даже поощрялись. Хотя и негласно.

Балансирующие на грани дозволенного западные политические, экономические, военные и даже эстетические теории, их доскональное знание и, зачастую, если не их апологетика, то, по крайней мере, отстаивание в публичных дебатах, на семинарах и в частных дискурсах, для многих моих друзей-сокурсников послужили возможностью прославиться в на-

шей студенческой среде и обратить на себя внимание профессоров.

Каким бы странным это не казалось сегодняшнему читателю, на этих студентов навешивали ярлык «критически мыслящих личностей», и их «идеологические сомнения» никогда не являлись причиной их преследования или публичного шельмования.

Либеральная среда, установившаяся в МГИМО в середине 50-х годов, объяснялась несколькими обстоятельствами.

Было время, когда перед отправлением за рубеж советским дипломатам давалась установка руководствоваться в работе «классовым чутьем и революционным самосознанием». Очевидно, в послевоенный период и особенно к середине 50-х годов, на фоне резкой ломки привычных стереотипов, такая практика начисто исчерпала себя.

В основу подготовки кадров легла куда более практическая теза. В виду того, что большинство выпускников института, в скором времени, должны были оказаться за границей, становилось необходимым отказаться от их изоляции от «тлетворного влияния Запада» и, наоборот, всесторонне подготовить выпускников к достойной встрече с этой необычной для советского человека реальностью.

Кроме того, в целом либеральная атмосфера в институте создавалась и поддерживалась за счет профессоров и преподавательского корпуса. Зна-

чительная часть этих людей десятилетиями жили и работали за границей, и, кстати, не только в рамках советских посольств и прочих представительств. Многие из них были продуктами образовательной системы США, Канады, стран Западной Европы и Азии. Многие прошли и школу практической деятельности в промышленной, сельскохозяйственной и деловой сферах этих стран. Некоторые сами в течение лет преподавали в таких престижных университетах, как Сорбонна, Гарвард, Оксфорд и прочие.

Неудивительно поэтому, что различные поколения выпускников Института подарили Советскому Союзу, а в дальнейшем и независимым государствам множество выдающихся деятелей в политической, экономической и дипломатической сферах – президентов, премьер-министров, министров экономики, иностранных дел, торговли, и, разумеется, большую армию послов.

Но вернемся в Тбилиси. Что предопределило мой выбор столь необычной профессии? Это особенно странно с учетом того, что среди моих разносторонне образованных предков не было ни одного дипломата.

Цари были. Моя прабабушка Ольга Багратиони была праправнучкой Соломона II (последнего Имеретинского Царя).

Мой прадед, епископ Иосеб Церетели, праправнук имеретинского царя Давида II (царствовал 1784-1790 г.г.), заботился о просвещении и духовной чистоте

те нации. Так что были и священнослужители.

Были генералы. Моя бабушка с отцовской стороны Мариам Иашвили (Яшвил – в принятой в Русской историографии транскрипции) была потомком генералов Яшвили, чьи портреты по сей день, гордо украшают архитектурное недоразумение, известное под названием «Гатчинского Дворца» Антонио Ринальди. Да-да, тех самых Яшвили, которые завершили многовековую незапятнанную службу Российской Империи тяжелым пробуждением и «церковными бунтами» 1880-х годов.

Были промышленники. Мой прадед Григорий (Джибо) Абашидзе был одним из основателей и владельцем крупного пакета акций Чиатурского рудодобывающего концерна – ЧЕМО. Одно из моих необычных воспоминаний Вашингтонского периода связано именно с дедом и его давним американским партнером по бизнесу, тогда еще молодым, начинающим бизнесменом Аверрелом Гарриманом. Когда я поведал советскому послу А. Добрынину историю давней (почти 60 лет назад) дружбы моего деда и Гарримана, тот воспринял этот рассказ как плод моей не в меру разыгравшейся фантазии. Несмотря на это, наверное, из любопытства, посол все же решил взять меня с собой на прием в честь Гарримана. Когда во время традиционного рукопожатия я несколько нетрадиционно добавил, что прихожусь внуком Григория Абашидзе (и напомнил Гарриману, кто такой Григорий Абашидзе), реакция хозяина превзошла все мои ожи-

дания. Добрынин казался удивленным, но почему-то довольным.

Были писатели. Брат бабушки, классик грузинской литературы, академик, председатель Правления писательской организации (союза) Грузии Григол Абашидзе не нуждается в моем представлении. С ним так же связано одно воспоминание, которое может представить интерес для читателя.

В 1972 году, по окончании четвертого курса МГИМО, я на семь месяцев был направлен награничную практику в посольство СССР в Сенегале. В то время президентом Сенегала был известный философ и поэт, автор теории «Негритюда» и ее неустанный практик Леопольд Седар Сенгор. Он относился к большой группе мечтателей-идеалистов, освободителей Африки. В эту группу входили Кваме Нкрума, Джомо Кениата, Джулиус Ниерере, Феликс Уфуэ-Буаьи, Дауда Джавара, Ахмед Секу Туре, Моктар ульд Дадда, Патрис Лумумба и другие – все те, кто стоял у истоков процессов становления своих государств, как независимыми субъектами международного права и в целом направляли процесс освобождения африканского континента от колониального гнета.

За несколько месяцев до моего отъезда в Дакар дядя Гриша (Григол Абашидзе), находясь на отдыхе во Франции, в доме у Эрве Базена встретился с Сенгором. Очевидно, в беседе они коснулись возможности перевода стихов Сенгора на грузинский язык, поэтому Гриша попросил передать Сенгору личную

записку. Когда я, движимый юношеским апломбом и неопытностью, заявил послу СССР в Сенегале, Д.С. Никифорову, что мне необходимо встретиться с президентом для выполнения поручения, посол несколько удивился и даже забыл (а может, со свойственной ему деликатностью не захотел) спросить, о каком поручении шла речь. Он только мягко заметил: «Тимур Георгиевич, практиканты обычно с президентами не встречаются». Я сразу усвоил урок и решил больше никогда не быть практикантом.

Ученые – и сколько. Историк, профессор Александр Церетели, языковед, академик АН СССР, вице-президент АН ГССР, Георгий Церетели, юристы – член-корреспондент АН ГССР Тина Церетели и профессор Николоз Церетели, моя сестра – историк Гиули Аласаниа и другие.

Были врачи. Брат бабушки, хирург Георгий (Жора) Абашидзе. Моя бабушка Тамара Абашидзе, создатель первой в мире вакцины от бруцеллеза для мелкого рогатого скота. Моя мать Мзия Церетели, профессор, академик АМН, одна из основоположниц комплексного лечения профессиональных заболеваний и социальной реабилитации, в течение десятилетий заместитель директора соответствующего НИИ.

Был и президент (правда в последствии), да еще какой – Михаил Саакашвили!

И, наконец, длинный список узников НКВД и советских ГУЛАГов, в котором мои предки достойно представлены впечатляющими фамилиями и во вну-

шительном количестве, в виде многих Аласаниа, Церетели, Яшвили, Абашидзе, Варази и др.

Но, как уже говорилось выше, ни одного дипломата в семье не было. Хотя мои предки, независимо от своей профессии и рода занятий, всегда стояли на службе у народа. Этот принцип в моей семье, во всем роду, был и остается руководящим принципом для взрослых и воспитательной мантрой для подрастающего поколения.

Если рассматривать дипломатию с точки зрения ее изначальной, основной функции, становится понятным, что на нее возложена задача упрочения государства и забота о благе народа. С этой позиции мой выбор кажется не таким уж неожиданным и не лишенным внутренней логики.

Следует также признать, что всю жизнь стремился совершить что-то необычное, или участвовать в чем-то замечательном – в чем то, что немедленно выделило бы меня из среды моих сверстников. Наверно, именно здесь берет начало моя неумная тяга к непрерывному развитию и самосовершенствованию. Книги, музыка (не особо успешная игра на скрипке), изучение английского, французского, а в более солидном возрасте – итальянского языков (здесь ключевую роль сыграла моя любовь к опере), увлечение футболом и теннисом и т.д.

Что касается моих более чем скромных научных достижений, то тут моя докторская диссертация – это скорее дань уважения моим знаменитым предкам,

чем результат всепоглощающего желания сказать что-то новое в науке в целом или в теории международных отношений, в частности.

Правда степень доктора открыла мне двери аудиторий более чем в 50 странах мира для чтения лекции, участия в научно-практических семинарах и симпозиумах.

В этом отношении и пройденный профессиональный путь не дает причин для недовольства. Свою дипломатическую карьеру начал со скромного поста практиканта Посольства в Сенегале; референт, ассистент-аналитик и атташе в Вашингтоне; самый молодой атташе, а затем третий секретарь элитарного Управления по Планированию Внешнеполитических Мероприятий МИД СССР; второй секретарь, вице-консул, консул Генерального Консульства в Монреале; первый секретарь, советник делегации на Конференции по Разоружению в Женеве; старший советник Мид СССР, и наконец, от международного чиновника среднего и высшего звена, Департамента по Разоружению и Политического Департамента, до высокого поста директора Департамента Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности.

Таковы внешние признаки карьерного успеха. Но на пути каждого человека существуют дорожные указатели, отмеряющие пройденную дистанцию и качество содеянного, которые занимают особое место в наших воспоминаниях. Как правило, это те моменты, когда мы своей деятельностью соприкоснулись с веч-